

Доктор Онофрио

1.

ДНАЖДЫ холодным зимним утром Инноминато, чья слава мага и астролога давно гремела во многих областях северной Италии, сидел в кресле, греясь у ярко горевшего в камине огня. Он был столь глубоко погружён в свои размышления, что слуге Пьетро пришлось трижды постучать в дверь — однако его стук так и не был услышан. Хотя Пьетро имел приказ никогда не входить в комнату, не получив дозволения, на сей раз он отважился нарушить волю хозяина и, встав перед ним в почтительной позе, тихо дожидался, пока тот заметит его присутствие.

— Ты здесь, Пьетро? — спросил наконец Инноминато. — Почему ты ослушался меня? Я ведь запретил тебе входить в кабинет без разрешения.

— Простите меня, ваше сиятельство, — сказал Пьетро, — но я трижды стучался безответно, а затем осмелился войти, поскольку из гостиницы прибыл привратник со срочным известием.

— От кого?

— От путника, который почтительно просит встречи с вами.

— Он что, настолько важная персона, что не может подождать, пока я освобожусь? — сердито спросил Инноминато.

— Без сомнения, он подождал бы, если бы знал о распоряжениях вашего сиятельства. Да и я не осмелился бы войти сюда, если бы привратник не сообщил мне, что путник стар, болен и, по-видимому, жестоко страдает от холода.

— В таком случае ты прощён, Пьетро. Нельзя допускать страданий пожилых и немощных; ради них можно потерпеть и кратковременное неудобство. Но кто этот путник, и что ему от меня надо?

— Это доктор Онофрио, до недавнего времени судья в Вероне, а ещё раньше один из профессоров Падуанского университета.

— Он действительно очень стар, — сказал Инноминато. — Ему, должно быть, не меньше восьмидесяти лет. Впрочем, несмотря на прожитые годы, он не снискал к себе уважения, не говоря уже о любви. Как бы то ни было, я его приму.

Пьетро удалился, а Инноминато, оставшись один, поднялся с кресла и несколько минут ходил взад и вперёд по комнате, поглаживая рукой длинную белоснежную бороду. На пальце у него ярко сиял драгоценный камень.

— Нетрудно догадаться, что привело ко мне доктора Онофрио, — пробормотал он под нос. — Он чувствует, что возраст и недуги навалились на него непосильным бременем, и пришёл просить меня продлить ему жизнь, но для чего? Он не может надеяться вновь стать судьёй, ибо наверняка знает, что его бесславная репутация делает это невозможным. Хочет ли он попросить богатства? Это более вероятно; но ради богатства, при всей скудости его средств, он вряд ли пустился бы в дальнейшее путешествие в такую суровую погоду. Может быть, он боится смерти? Да, наверное, именно это и только это привело его сюда. Старик хочет примириться с небесами и боится, что без моей помощи распрощается с жизнью прежде, чем ему это удастся. И у него есть веские причины для тревоги. Мало кто носит на плечах столь тяжкий груз грехов.

Внезапно Инноминато остановился и, проследовав в маленькую комнату внутри башни замка, соединённую с кабинетом, открыл там окошко, через которое просматривалась вся тропинка от гостиницы до замка. Он увидел, как доктора Онофрио несут в кресле двое мужчин, которые с трудом передвигают ноги под суровыми порывами северного ветра, дующего с заснеженных горных вершин. Бросив мимолётный взгляд на доктора, Инноминато, в лицо которому ударил поток ледяного воздуха, закрыл окно и, укутавшись в отороченную мехом богатую мантию, вернулся в кабинет, где снова расположился в кресле у камина.

— Очевидно, что страхи доктора жестоко гнетут его, — продолжал он, — иначе он не тронулся бы в путь в эту бурю.

Инноминато взял со столика возле кресла переплетённый в тонкую кожу том, от чтения которого оторвался, и, открыв его, вновь погрузился в книгу. Вскоре в замок прибыл доктор, которому двое слуг помогли войти

в кабинет. Инноминато принял его с предельной любезностью и, взяв под руку, подвёл едва волочившего ноги старика к креслу напротив собственного, также стоявшему у камина.

— Пьетро, — распорядился он, как только доктор уселся, — подбрось-ка поленьев в огонь, а после этого можешь быть свободен.

Пьетро исполнил приказ, но, прежде чем удалиться, осведомился, не приготовить ли для доктора постель.

— Об этом я извещу тебя позже, — ответил Инноминато. — А теперь оставь нас.

2.

Пока слуга находился в комнате, Инноминато и его гость не проронили ни слова. Два старика, сидящие друг против друга, являли собой необычную картину. Величественность осанки и открытость красивого лица астролога составляли полную противоположность измождённой, усохшей фигурке доктора и его хитрому, злобному личику, морщины на котором сделались ещё глубже от резкого холодного ветра. Первый сидел в своём кресле прямо; второй — сгорбившись и сложившись едва ли не вдвое. Судя по внешности посетителя, жизни в его немощном, разбитом недугом теле оставалось теплиться ещё неделю, не больше.

Терпеливо дождавшись, пока гость придёт в себя, Инноминато начал разговор:

— Я знаю, что передо мной учёный доктор Онофрио, в недавнем прошлом судья в Вероне, а прежде того — профессор в Падуе. Могу я осведомиться о цели вашего посещения?

Притуплённые, казалось, чувства старика вновь обострились при звуках голоса Инноминато, и, оторвав неподвижный взгляд от огня, старик произнёс:

— Простите меня, если я испытываю ваше терпение. Через короткое время я полностью сосредоточусь и смогу объяснить. До тех пор, боюсь, мне будет трудно это сделать.

— Я не тороплю вас, — сказал Инноминато. — Может быть, однако, мы сэкономим время, если я сам назову причину вашего визита. И если моя откровенность покажется вам недостатком учтивости, в этом, по крайней мере, будет одно преимущество: в дальнейшем мы сможем говорить без особого стеснения.

Доктор изумлённо поглядел на астролога, но промолчал.

— Как я уже сказал, — продолжал Инноминато, — вы, доктор Онофрио, в недавнем прошлом — судья в Вероне; от той должности вас уволили с позором, причём не за невежество, а за бесчестность. До назначения судьёй вы служили профессором права в Падуанском университете, где к вам как к человеку относились с неприязнью, несмотря на глубокое уважение к вашим познаниям. Мало кто вёл столь же нечестивую жизнь. Вы много раз могли отправиться на плаху, если бы с колоссальной изворотливостью не умудрялись уйти от заслуженного наказания — главным образом, перекадывая вину на невиновных и заставляя их страдать за ваши преступления. В качестве судьи вы были гонителем вдов и сирот. Принимая взятки от богатых, вы выносили неправосудные решения; но ваша алчность ничего не дала вам, ибо деньги, которые вы столь бессовестно вымогали, сгорели в огне вашего пристрастия к азартным играм. И теперь вы бедняк, которому даже при жёсткой экономии едва хватит средств на то, чтобы удовлетворить свои потребности в течение короткого остатка жизни. Вы понимаете, что стоите на краю могилы, и прибыли сюда для того, чтобы попытаться уговорить меня продлить ваши дни, которые в противном случае сочтены. Как видите, доктор Онофрио, я хорошо знаком с историей вашей жизни.

Слова Инноминато поразили Онофрио. С каждым новым обвинением, достигавшим его ушей, его изумление росло, голова поднималась, а надломленное тело разгибалось, и, выпрямившись в кресле на несколько мгновений, он глядел на Инноминато с выражением великого ужаса.

— Увы, синьор, — сказал он, наконец совладав с собой, — в ответ на ваши обвинения мне нечего сказать в своё оправдание. С горечью признаю, что сказанное вами — правда, и я пришёл просить вас о помощи в надежде, что ваше милосердие поможет облегчить мою тяжёлую участь.

— Каким образом?

— Получив, благодаря вашему искусству, более долгий жизненный срок.

— Но с чего бы мне на это соглашаться? Чего ради стану я отправлять в общество на новый срок и с новыми силами столь бесчестного человека, как вы?

— О нет, синьор учёный, всё будет иначе, — серьёзно произнёс доктор Онофрио. — Поверьте, я ясно вижу свои ошибки. Я обращаюсь к вам с этой просьбой единственно ради того, чтобы дать себе время для раскаяния.

— Зачем же вам нужно время, чтобы раскаиваться? Не для того ли только, чтобы избежать кары небесной, вами вполне заслуженной?

— Право, вы ошибаетесь, — сказал доктор. — Хотя я, естественно, желал бы избежать гнева Господня, гораздо в большей степени мною движет горькое осознание той неблагодарности, которой я отплатил за милости, ниспосланные мне небом. Ещё одна причина, по которой я прошу вашей помощи, — желание искупить вину перед теми, кому я причинил зло.

— Разве можно искупить вину перед невинными, умершими от руки палача или скончавшимися от болезни и нищеты из-за несправедных приговоров, вынесенных вами, их судьёй?

— Вы правы, синьор учёный, вы правы, — согласился Онофрио. — Для них я ничего сделать не смогу; но, творя в будущем добрые дела, я, может быть, хоть отчасти искупил бы своё бесчестие.

— Будь у меня основания думать, что ваше покаяние искренно, — сказал Инноминато после недолгого молчания, — трудно было бы не поддаться соблазну помочь вам.

— Оно искренно, — подхватил Онофрио. — Испытайте меня как вам будет угодно и, если я не пройду испытания, можете лишить меня всех благ, какими наградите.

— Предположим, что в моей власти продлить вашу жизнь на сто лет; вернуть вам молодость и силу, которые не будут иссякать; сохранить вашу внешность неизменной вплоть до смертного часа; одарить вас таким количеством золота, которого хватило бы на самых алчных, — что бы вы мне предложили взамен?

При этих словах Инноминато доктор разительно переменялся в лице. Глаза его, до того смотревшие с тревогой и мольбой, загорелись жадным волнением, смешанным с плутовской расчётливостью.

— Что я предложил бы вам, синьор учёный? Увы! Что я могу предложить, кроме благодарности и беспрестанной молитвы о вас? Только в этом я и могу вас клятвенно заверить.

— Ваша благодарность меня мало интересует, а от молитв я решительно отказываюсь. Боюсь, что молитва из ваших уст немногим лучше насмешки. Так вот, рассуждая здраво, с какой стати мне продлевать вам жизнь? Я не имел от вас никаких благодеяний, отчего же вы рассчитываете на благодеяние с моей стороны? Сами-то вы ведь не привыкли никому помогать без равноценного вознаграждения.

— Что ж, если нет других причин, — ответил доктор, — то помогите хотя бы из милосердия. Вы правы, я не могу предложить вам равноценного вознаграждения, если вы только сами не скажете мне, каким образом я могу вам услужить. Я в точности исполню всё, что вы пожелаете.

Астролог помолчал несколько секунд, с явным интересом созерцая жадное, подобострастное выражение старческого лица, а затем сказал:

— Поразмыслив, я решил, что исполню ваше желание. Однако я не буду заключать с вами сделки, способной ввести вас в соблазн нарушить её. Я назову вам свои твёрдые условия, и, согласившись с ними, вы уже будете не вправе отказаться от их выполнения. Если вы поведёте себя честно, у вас будут все возможности для того, чтобы сотворить много добра; а если бесчестно, то сами навлечёте на себя наказание.

С этими словами он подошел к большому сундуку и, подняв крышку, извлёк оттуда серебряную флягу и серебряный же стаканчик, а также большой пустой кожаный кошель. Наполнив стаканчик из фляги жидкостью рубинового цвета, он обратился к доктору:

— Эликсир, который я налил в стаканчик, способен вернуть вам здоровье и красоту, которые вы сохраните в течение ста лет. Если же возникнет нужда в деньгах, стоит только пожелать, и в этом кошельке вы немедленно найдёте сотню цехинов*. Условия же, которые ни вы, ни я не вправе нарушить, таковы: пятьдесят из каждой сотни цехинов, которую вы получите, должны быть потрачены на строительство и содержание сиротского приюта для бедных девочек. Всякий раз, когда вы не выполните это условие, вы будете наказаны тем, что безвозвратно лишитесь половины от оставшегося срока из подаренных ста лет жизни. Например, если, получив сегодня же сотню цехинов, вы до наступления полуночи не направите половину этой суммы на указанные мною цели, вам останется прожить только пятьдесят лет. В следующий раз остаток жизни снова уменьшится наполовину, и так далее. Что же, согласны вы с этими условиями?

— Принимаю их с величайшей готовностью и благодарностью! — ответил старик, сиюсья придать своему лицу выражение глубокого смирения, через которое, однако, просвечивало явное лукавство не без примеси торжества.

— Тогда вот вам кошелёк, — сказал Инноминато. (Старик жадно схватил его и прощупал, проверяя, нет ли там денег, но кошелёк был пуст.) — А теперь выпейте эликсир, однако прежде позвольте спросить вас: до конца ли вы поняли условия, которые я вам назвал?

— О да!

— Тогда пейте! — сказал астролог, подавая стаканчик. Старик осушил его единым залпом. Затем астролог взял в руку палочку и сделал ею лёгкий взмах над головой доктора. Мало-помалу все окружающие Онофрио предметы растворились в темноте, и он впал в глубокий сон без сновидений, очнувшись от которого обнаружил, что стоит на берегу моря неподалёку от того места, где сегодня находится город Фучина. Вдали виднелась Венеция, освещённая лучами знойного полуденного солнца.

3.

Хоть это и был всё тот же Онофрио, как же он изменился с тех пор, как побывал у астролога! Прежде старый, немощный и сморщенный, он стал стройным, хорошо сложенным, сильным и грациозным мужчиной. Убогие одеяния, мешком свисавшие с его усохших конечностей, сменились роскошной и изысканной одеждой, приличествующей богатому молодому дворянину с высоким положением в обществе. На голове красовался бархатный берет, украшенный орлиным пером, а на теле — туника в тон берету, доходящая до колен и схваченная в талии бархатным поясом кирпичного цвета с богатым золотым шитьём. Если у Онофрио и оставались какие-то сомнения в том, кто он теперь такой (вполне, впрочем, естественные, учитывая его грандиозную метаморфозу), то одна маленькая находка полностью их развеяла. С восхищением рассмотрев свой роскошный костюм, он сунул руку в карман и вытащил оттуда объёмистый, хотя и пустой кожаный кошель, подаренный утром астрологом. Поглядев на него, он сказал:

— Будь ты полон, мне уже почти ничего не осталось бы желать.

Не успел Онофрио произнести эти слова, как ощутил в кошельке тяжесть, и, сунув в него руку, извлёк оттуда пригоршню цехинов. При

виде золота ему вспомнилось условие астролога, однако единственным следствием этого припоминания стала ироническая улыбка, с которой он вернул деньги на место и понадёжнее спрятал кошелёк в карман. Подняв глаза, Онофрио увидел, что по озеру к нему приближается гондола, в которой сидят двое мужчин и стоит третий, все в богатых ливреях. Стоявший, судя по его виду, был среди лакеев старшим. Гондола подошла к тому месту, где находился Онофрио, лакей спрыгнул с неё на берег и, подойдя ближе, спросил:

— Имею ли я честь обращаться к благородному графу Онофрио де Бовизио? В этом случае мне приказано сообщить вашему сиятельству, что эта гондола прислана, чтобы отвезти вас в ваш дворец, если вам будет угодно.

— Кто же её послал? — спросил Онофрио, не утративший присущую всякому законнику осторожность.

— Синьор, имя которого мне неизвестно, — ответил слуга.

— Так скажи мне, по крайней мере, кому ты служишь. Я хотел бы иметь о тебе какие-то сведения, прежде чем я тебе доверюсь. В нынешние времена нельзя безрассудно отдавать себя в руки незнакомцев.

— Я главный камердинер графа Греппи, но в настоящее время к услугам вашего сиятельства. Меня зовут Антонио. Сегодня утром, когда мой хозяин готовился покинуть Венецию в сопровождении лишь одного слуги, чтобы посетить свои владения во Фриули, ему нанёс визит незнакомец. Он осведомился, не желает ли граф сдать в наём часть покоев своего дворца очень богатому молодому человеку благородного происхождения, прибывающему сегодня в наш город, где у него нет друзей и знакомых. Поначалу мой хозяин не хотел принимать деньги, заявив, что готов безвозмездно передать дворец в полное распоряжение ожидаемого дворянина, но незнакомец отказался от выгодного предложения. Он заявил, что вы, ваше сиятельство, владеете большим состоянием и готовы оплатить аренду апартаментов. После долгих колебаний мой господин согласился принять деньги, которые незнакомец тут же ему отсчитал. Затем граф уехал из Венеции, распорядившись, чтобы все остающиеся слуги подчинялись вам как своему хозяину. Скоро прибыл и багаж вашего сиятельства, который под моим наблюдением был аккуратно выгружен и помещён в надёжное место. Вот всё, что я могу вам сообщить.

— Кто же тот человек, который всё это устроил?

— Не могу знать, ваше сиятельство. Я никогда его прежде не видел. Судя по одежде, он похож на иностранного купца, но в совершенстве говорит по-итальянски. Не могу описать его лица, поскольку на нём была чёрная маска, которую он не снимал ни на секунду. Однако вы сможете лично расспросить его обо всём, поскольку сейчас он дожидается вас во дворце.

Онофрио не стал более противиться, а ступил на гондолу, и по озёрам Лагуны его быстро доставили во дворец на набережной Большого канала. По прибытии Антонио проводил его наверх в комнату, где находился некий господин в чёрной маске, одетый просто, но на иностранный манер. Как только слуга покинул комнату, незнакомец, не снимая маски, сказал:

— Нынче утром я получил записку от достославного Инноминато с извещением о вашем приезде, ожидаемом сегодня пополудни, и распоряжением нанять для вас апартаменты и свиту слуг, что и было мною сделано. Аренда оплачена на год вперёд. Слуги в вашем полном распоряжении. Ваш багаж — в соседней комнате, и вы можете распоряжаться им, как захотите. Мне известно, что вы получили от моего хозяина кошелек, который в любое время можно пополнить, стоит только пожелать, и что ваш новый срок жизни связан с некоторыми условиями. Засим я вас покину, и, если только я не получу особого поручения от Инноминато посетить вас, вы меня больше не увидите, кроме как по вашему собственному желанию, и то не больше одного раза.

— Назовитесь же и скажите, где я смогу вас найти, — сказал Онофрио.

— Ни в том, ни в другом нет нужды. Возьмите это кольцо, — сказал господин в маске, доставая кольцо весьма простой работы, закреплённое петелькой на длинной шёлковой нити, — и носите его на шее. Если у вас когда-либо возникнет потребность в моём присутствии, наденьте его на средний палец правой руки, и я немедленно навещу вас. Я выполню любое ваше желание, но затем кольцо утратит свою силу, и вы больше никогда меня не увидите.

После этого человек в маске удалился, несмотря на то что Онофрио хотелось задержать его и поговорить с ним ещё. Он стал спрашивать слуг, не знает ли кто из них таинственного синьора, но никто не смог ему ничего сообщить. Надев на шею и тщательно спрятав под одеждой шёлковую нить с кольцом, Онофрио занялся распаковкой багажа и изучением содержимого многочисленных сундуков. Несмотря на свою привычную

невозмутимость и присутствие слуг, он не удержался от восторженных возгласов — настолько оказались ценны украшения и великолепны костюмы, извлечённые из сундуков. Онофрио обладал не менее богатым гардеробом, чем любой из монархов Европы.

Управившись с багажом, Онофрио приказал слугам приготовить ему ужин и сразу же подать его. Пока жарилась еда, он улёгся на диван в одном из покоев и предался размышлениям. Несмотря на данное астрологу обещание вести более праведную и благодетельную жизнь, его не посетила ни одна благочестивая мысль, как и ни одна мысль об условии, поставленном Инноминато: передавать половину цехинов, полученных при каждом пополнении кошелька, на нужды богоугодного заведения. Он думал единственно об удовольствиях и о том, как побыстрее их заполучить, приложив наименьшие усилия. В его мыслях не проскальзывало ни малейшего желания исправиться; напротив, всё шло к тому, что он будет поступать ещё хуже, чем прежде. Его теперешняя красота и неограниченное богатство позволяли ему совершать какие угодно проделки, а хитрость опытного законника, которой он по-прежнему обладал в полной мере наряду с умением давать взятки, помогла бы ему выкрутиться из любых затруднений при столкновении со стражами закона.

Наконец подали обильный ужин, состоявший из прекрасно приготовленных блюд и вин отменного вкуса и качества. Онофрио любил баловать себя яствами, хотя и не до такой степени, чтобы его можно было обвинить в чревоугодии. Но на сей раз, соблазнившись изысканным вкусом вина, он позволил себе немного больше обычного и после трапезы снова прилёг на диван, чтобы переварить съеденное.

4.

Когда Онофрио проснулся, было уже темно, и он позвал Антонио, чтобы тот принёс огня. Антонио тут же явился с изящным серебряным канделябром в руке, который поставил на стол, и стал ожидать распоряжений хозяина. Несколько минут Онофрио молчал, погружившись в размышления, а затем, очнувшись, сказал ему:

— Пойдём со мной в мои покои, ты поможешь мне одеться. Я проведу вечер не дома и, может быть, вернусь поздно.

Антонио помог хозяину сменить костюм на другой, ещё более изысканный. Закончив свой туалет, Онофрио распорядился подогнать гондолу

и, ступив на неё вместе с Антонио, которому он велел сопровождать себя, пожелал, чтобы его доставили на Пьяцца де Скьявони. Доплыли туда быстро, и он, а за ним Антонио вышли из гондолы. Онофрио приказал Антонио дожидаться, пока не потребуются его услуги, у собора святого Марка, а сам смешался с толпой на площади.

Какое-то время он забавлялся тем, что наблюдал за гуляющими да изредка останавливался у лавочек знахарей и торговцев снадобьями. Постепенно, но довольно быстро вокруг него собралась группка праздношатающихся, привлечённых великолепием его наряда и представительной внешностью, заметными несмотря на ночное время, ибо в небе сияла яркая полная луна. Онофрио был человеком гордым и не хотел снискать себе дурную славу в людном месте, поэтому он покинул площадь и вошёл в «Кетто да Сан Феличе», главный из многочисленных игорных домов Венеции, куда допускали только членов известных и благородных семей. Импозантная внешность Онофрио и его роскошный наряд послужили для него пропуском, вполне удовлетворившим охранников, которые не задали ему ни одного вопроса. Основной зал был переполнен благородными синьорами. Они толпились вокруг игорных столов, делая ставки или же наблюдая за игроками. Их внимание было приковано к игре, так что какое-то время появление среди них Онофрио оставалось незамеченным. Стоя возле одного из столов, где играли в новомодную басетту*, он сделал какое-то замечание одному из стоящих рядом, а тот, обернувшись к Онофрио и будучи поражён его внешностью, спросил, не из чужих ли он краёв.

— Именно так, — подтвердил Онофрио. — Я прибыл лишь сегодня утром.

— Не желаете ли подойти ближе к столу, чтобы с бóльшим удобством наблюдать за игрой? Она у нас сейчас в большом фаворе.

Онофрио поблагодарил за предложение, и наблюдателей попросили расступиться и дать ему подойти к столу, на что они любезно согласились. Теперь Онофрио стоял близко к игрокам и с большим интересом наблюдал за игрой. Первое время он не принимал в ней участия, но потом решил попытать счастья и, поскольку сумма в сто цехинов оставалась ещё нетронутой, стал делать крупные ставки. Сначала фортуна улыбнулась ему, и Онофрио выиграл большую сумму, однако очень скоро удача ему изменила: он не только потерял выигрыш, но и потратил немало из собствен-

ного капитала. Тут уж Онофрио потерял голову и принялся безрассудно делать случайные ставки. Неудача продолжала его преследовать, и, упрямо продолжая игру, он ещё до полуночи растратил всё содержимое кошелька.

Если не считать недолгой досады, эта потеря мало огорчила Онофрио. Поняв, что сегодня ему не везёт, он покинул игорный зал, невзирая на уговоры игроков, многие из которых выражали готовность дать ему денег в долг. Потратив какое-то время на то, чтобы найти Антонио, он велел ему разыскать гондолу, а когда она была готова, ступил на неё и вскоре вернулся во дворец графа Греппи.

5.

На следующее утро, едва поднявшись с постели, Онофрио достал пустой кошелёк и пожелал, чтобы тот наполнился. Не успел он об этом подумать, как в кошельке снова оказалась сотня цехинов. Онофрио положил кошелёк в карман, не испытывая не малейшего сожаления о том, что отпущенный ему срок жизни сократился вдвое (ведь накануне он не счёл нужным направить половину той суммы денег, которую получил, на благотворительные цели). Войдя в столовую, Онофрио увидел там приготовленный для него завтрак. Во время еды он думал о том, как с наибольшим удовольствием провести наступивший день. Не стоит и говорить, что ему не приходили в голову мысли ни о каких штудиях или серьёзных делах; он жаждал удовольствий и только удовольствий. Ему было досадно, что у него совсем нет друзей и знакомых, да где же их найти? Конечно, в Венеции проживало немало семей, с которыми он был довольно близко знаком в прежней жизни, однако в их дома он не решался явиться из опасения, как бы его не заподозрили в колдовстве.

И тогда он решил, что представится как приезжий несколькими влиятельным купцам и вельможам города и попытается завязать с ними новые знакомства. Задача облегчалась тем, что он уже был осведомлён об их особенностях и привычках. Он рассчитывал, что, потихоньку втеревшись к таким людям в доверие, станет вхож в их дома. Для этого, разумеется, нужно было держаться rispetтабельно и солидно. Позавтракав, он оделся в неяркий, но богатый костюм и, выйдя из дома без сопровождения, отправился на биржу.